

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» И «ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ»

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена исследованию актуальной проблемы понимания и применения термина «идентичность» в современных социальных науках. Основной акцент сделан на систематизации научных подходов к определению партийной идентичности и партийной идентификации, где приводятся авторские определения данных феноменов. В статье рассматриваются факторы, влияющие на становление партийной идентичности, а также раскрываются аспекты трансформации партийной идентичности и партийной идентификации. Автор приходит к выводу, что в современных реалиях обособление национального интереса ряда стран и выход на передний план политических партий, отстаивающих интересы собственных граждан на фоне общего процесса глобализации, могут способствовать возврату понимания концепта партийной идентичности как критерия прогнозирования электорального поведения.*

***Ключевые слова:** социальная идентичность, политическая идентичность, политические партии, выборы, политические установки, партийная идентичность, партийная идентификация, трансформация партийной идентичности.*

TO THE PROBLEM OF THE DEFINITION OF «PARTY IDENTITY» AND «PARTY IDENTIFICATION»

***Abstract.** This article covers the study of the challenging issue of understanding and application of the term “identity” in modern social sciences. The main emphasis is placed on the systematization of scientific approaches to the definition of party identity and party identification, which provides the author's definition of these phenomena. The article reviews the factors influencing the formation of party identity, as well as the aspects of the transformation of party identity and party identification. The author comes to the conclusion that in contemporary realities the isolation of the national interest of a number of countries and the rise to the forefront of political parties defending the national interests of their own citizens, against the background of the general process of globalization, can reimburse the understanding of the concept of party identity as a criterion for predicting of the electoral behavior.*

***Keywords:** social identity, political identity, political parties, elections, political attitudes, party identity, party identification, identity transformation.*

Проблема формирования идентичности у отдельных индивидов или социальных групп для современных общественных наук актуальна, в то же время дискуссия по поводу формулировки дефиниции идентичности и адекватности применения данной категории для описания соответствующих социальных явлений остается открытой. Причиной полемики выступает многозначность в интерпретации понятия «идентичность», что обусловило некоторое кризисное состояние данного концепта [1, с. 144]. Основным вопросом, которым задаются исследователи, заключается в трактовке идентичности либо как сущностной категории, достоверно описывающей представления человека о себе самом и об окружающих, либо как абстрактной аналитической категории, при помощи которой становится возможным ввести субъективную реальность в научный дискурс [2, с. 19]. Мы исходим из позиции, что феномен идентичности может применяться как в первом, так и во втором значениях в зависимости от целей исследования. Но с оговоркой, что далеко не каждый человек обретает идентичность осознанно или вовсе ее не приобретает, находясь постоянно в поиске новых моделей собственного соответствия, — в подобных случаях может быть применен термин «идентификация». В данной статье формулировка определений партийной идентичности и партийной идентификации будет исходить из сущностной трактовки термина «идентичность». Спорными сторонами рассматриваемых феноменов является как вопрос о факторах, влияющих на формирование партийной идентичности, так и вопрос о применимости категорий партийной идентичности и партийной идентификации для прогнозирования электорального поведения граждан тех или иных стран.

Первоначально представляется концептуально важным определить различие понятий «идентичность» и «идентификация», где первое — это следствие второго, таким образом идентичность является результатом идентификации как процесса. Само понятие «идентификация» изначально встречалось в психоанализе З. Фрейда, определяемое как бессознательный процесс отождествления с другими людьми [3, с. 146]. Более детальное рассмотрение и определение феномен идентичности получил в работах Э. Эриксона: «Чувство идентичности обеспечивает способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью» [4, с. 35]. Согласно Эриксону, процесс становления и развития идентичности оберегает целостность и индивидуальность опыта человека, при этом автор отмечает, что идентичность — это не нечто статичное и неизменное [5, с. 33]. Он разделял понятия «эго-идентичности» и «групповой идентичности», а также обобщил термин «кризис идентичности», использование которого актуально для современных исследований.

Термины «идентичность» и «идентификация» впоследствии стали использоваться и в других науках, расширив спектр применения от межличностных взаимоотношений до взаимоотношений общества с институтами власти. Потребность в данных категориях и интерес к ним особенно возросли

в последние десятилетия, поскольку произошло расширение общественной среды и усложнение структуры социальных институтов. На политической арене появились новые акторы и, соответственно, расширился спектр выбора самоопределения граждан, но это не значит, что атомизированные и разрозненные взгляды индивидов больше не нуждаются в соотнесении себя с «другими». Например, П. Бурдьё говорил об «эффekte оракула», при котором происходит переход от индивидуального к коллективному, позволяющему уполномоченному представителю при помощи опоры на авторитет группы применять по отношению к каждому из ее членов легитимное принуждение, на которое представители данной группы согласились добровольно. «Если я — человек, ставший коллективом, человек, ставший группой, и если эта группа есть группа, частью которой вы являетесь, и которая определяет и дает вам идентичность, то остается только повиноваться» [6, с. 168–169]. В данном случае идентичность индивида по отношению к той или иной социальной группе или государству рассматривается не только со стороны консолидации общества, но и возможности манипулирования индивидами на почве их идентичностей.

М. Кастельс под процессом конструирования идентичности понимает действия, посредством которых социальный актор познает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе общепринятого культурного свойства или совокупности свойств [7]. При этом он отмечает, что в исторический период, который можно охарактеризовать широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и слабостью культурных проявлений, идентичность становится главным или вовсе единственным источником смыслов [7, с. 27].

Английский социолог Э. Гидденс показывает, что идентичность в современном мире носит рефлексивный характер, поскольку человек связывает внешние события со своей собственной жизнью и оценивает роль этих процессов. «Когда традиции ослабевают, и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности» [8, с. 63]. В случае трансформации ценностей, по мнению Э. Гидденса, человеку требуется более активно, чем раньше, формировать и воссоздавать собственную идентичность.

По мнению ряда авторов, можно проследить, что на современном этапе развития общества прежние формы идентичности, как, например, государственная, становятся менее актуальными. Ю. Хабермас является одним из сторонников подобного мнения и считает, что новая идентичность предполагает осознание индивидами возможности активного участия в формировании собственной идентичности, поскольку допускается пересмотр личностного статуса [9, с. 800–801].

В работах У. Бека, автора концепта «общество риска», идентичность в процессе индивидуализации становится одной из центральных категорий,

поскольку происходит разрушение стабильных устойчивых социальных ролей и статусных позиций, что вынуждает индивидов участвовать в процессах самоопределения. В противоположность территориальных теорий идентичности автор предложил космополитизм. «Космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренней и внешней сферами, между национальным и международным, «нами» и «ними» уже не годятся для жизни» [10, с. 20]. Под влиянием космополитизации процесс конструирования идентичности происходит вне контекста определенных границ, поэтому У. Бек считал ошибочным определения идентичности, исходя из привязки к ограниченному социальному пространству, территориям отдельных национальных государств, которые отгораживают индивидов от остальных стран [9, с. 714–715].

В свою очередь, З. Бауман отмечал, что проблема не только в том, как обрести идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность избрать и как вовремя сделать иной выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится привлекающих черт. «Человека волнует подозрение, что пределы, в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут» [11, с. 185–186]. Автор считал, что в рамках «глобализирующегося мира» вместо использования термина «идентичность» уместнее говорить об идентификации, которая никогда не заканчивается, всегда остается незавершенной и открытой в будущее деятельностью, в которую все члены общества, по необходимости или сознательно, вовлечены [11, с. 192].

Перейдем к рассмотрению феномена идентичности, разграничивая понятия социальной, политической и, наконец, партийной идентичности. В научной литературе социальная идентичность трактуется как «система координат самокатегоризации, поскольку самоидентификация человека происходит в социальном пространстве, в процессе самосоотнесения с другими социальными субъектами» [12, с. 33]. Социальная идентичность, образованная в результате идентификации человека или группы людей с какой-либо социальной общностью, определяется как осознание человеком своей принадлежности к данной общественной группе или общности. Собственно, именно социальная идентичность обуславливает политическую, которая является частью общего процесса идентификации личности.

В свою очередь, политическая идентичность определяется как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с каким-либо политическим сообществом» [13, с. 71]. Политическая идентичность утверждается в процессе сопоставления мнений индивидов о приоритетах государственного и общественного развития с учетом субъективных интересов различных акторов, например, политических элит и

партий. Данные акторы наделяют политической идентичностью большие сообщества, как, например, нации и классы, от имени которых продвигают политические интересы и закрепляют ее при помощи символической политики, конструирующей разделяемые членами группы имиджи, знаки, ритуалы, и выстраивающей пространство политической коммуникации [13, с. 73]. Посредством политической социализации человек идентифицирует себя с различными внешними образами того, «кем он является» и «с кем себя может соотносить».

Формирование политической идентичности происходит посредством идентификации человека или группы с определенным политическим объектом, это может быть, например, существующая власть с ее институтами или идентификация субъекта с определенным курсом развития государства. Возникновение политической идентичности может наступать вследствие идентификации субъекта с конкретными политическими лидерами и проводимой ими политикой. Политические субъекты могут идентифицировать себя и через выражение своей привязанности к той или иной политической идеологии или политическим ценностям [14].

Одним из выражений политической идентичности является самосотнесение человека или группы с определенной политической партией. Партийная идентичность представляет собой тесную привязанность человека или группы к определенной партии, сочувствие ей и сопереживание вместе с партией, как ее успехов, так и неудач [14]. Можно сказать, что это относительно устойчивая приверженность по отношению к партии.

Именно политические партии являются важнейшим институтом представительства интересов граждан и связующим звеном между обществом и государством. От их структуры, деятельности и функций во многом зависит ход политического процесса. В течение длительного периода времени во многих странах велась политическая борьба за предоставление всем гражданам права голоса на выборах, то есть установления равного избирательного права. Таким образом, политические партии эволюционировали в соответствии с развитием избирательного права, что привело к возникновению теории электорального поведения и партийной идентификации. В предвыборных программах политические партии неспособны охватить и отразить интересы всех граждан государства, но при этом практически любая из них, определяя риторику и политику, старается, как в период выборов, так и в периоды между ними, привлечь под свои знамена различные социальные группы. Одной из основных исследовательских задач здесь является определение социальной базы партии, где выделяются: с одной стороны, реальные и потенциальные сторонники и члены партии и, с другой, — избиратели [14].

В отношении первых можно говорить о партийной идентичности и партийной идентификации, в рамках которых актуальны проблемы политической культуры, поколенческой преемственности, политической социализации, развитости и конкурентности партийной системы. В отношении

вторых — исследование отличительных особенностей избирателей в периоды голосования, определение электората и мониторинг электорального поведения. Изучение социальной базы партий позволяет выявить характер взаимодействия правящей элиты и граждан, оценить вовлеченность последних в сферу политики, степень сформированности активной жизненной позиции граждан, устойчивость электората у различных политических партий, развитие или трансформацию политической культуры и партийной идентичности у населения в целом.

Изначально концепции партийной идентичности и партийной идентификации появились в ответ на популярные в 40–50-е годы прошлого века социологические теории электорального поведения, основанные на неполитических предпосылках выбора избирателей. Разного рода социальные и экономические потребности оформлялись в соответствующие политические требования с помощью профсоюзов, СМИ, групп давления, то есть структур, находящихся вне политической сферы.

Один из первых подходов к изучению политических предпочтений и электорального поведения строится на социологическом методе. Среди его представителей можно назвать Р. Далтона, С. Липсета, С. Роккана и других. Исследователи-социологи акцентировали свое внимание на идейно-политической самоидентификации, показывая роль социального статуса и социальной среды для определения партийной идентификации, отмечали многообразие неполитических факторов воздействия на нее, а также возрастающее значение политической коммуникации. Концепция социально-политических размежеваний, предложенная С. Липсетом и С. Рокканом [15], продемонстрировала влияние размежеваний между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими на политические предпочтения и электоральное поведение граждан. В соответствии с каждым из них прослеживалась поддержка определенных политических партий, в том числе этнических, религиозных, аграрных и социал-демократических.

Исследование социологов Мичиганского университета Э. Кемпбелла, Ф. Конверса, У. Миллера, Д. Стоукса [16], предпринятое в 1960-х годах, показало многосоставность процессов социализации, в ходе которых вырабатывается индивидуальная и групповая партийная идентификация. В этих процессах видна роль семейных традиций, индивидуального опыта, экономического достатка, таким образом, речь идет о взаимоотношениях в малых группах, где прослеживалось доминирование выработанных однажды установок и предпочтений у членов определенной группы. При перемене социальной среды человек начинает пересматривать собственные политические приоритеты; зачастую происходит трансформация предпочтений в соответствии с господствующими установками в новой референтной группе.

Исследователи данного направления транслировали спорные выводы о сохранении выработанной однажды партийной приверженности и о том,

что, скорее, партийная идентификация влияет на политические установки, чем наоборот. В условиях современных реалий отчетливо прослеживается иная тенденция: гражданин, придерживавшийся и мирившийся с проводимой политикой государства на протяжении нескольких десятилетий, со временем может сменить партийную идентичность достаточно быстро. Плюрализм и спектр выбора в странах с развитой демократией той или иной идеологии или отказ от соотнесения себя с какой-либо политической партией позволяют человеку выйти за грани диктата «сверху» и давления со стороны референтных групп. Появилась возможность как самостоятельно выбирать, так и с какими структурами себя идентифицировать. «Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правил» [17, с. 38].

Следующая группа ученых, представленная Р. Катцем и П. Мэйром [18], отметила уменьшение значения идейно-политической самоидентификации. Согласно их трактовке, увеличивается значение прагматического партийного выбора, определяемого преходящими причинами, воздействием направленной политической коммуникации и информации, личностью лидеров и иными факторами [19].

Переход к многопартийной системе в современной России поставил под вопрос идейно-политическую и партийную самоидентификации в условиях общества, лишённого на протяжении длительного времени опыта выбора и сопоставления политических позиций различных политических партий. Один из отечественных исследователей Г.В. Голосов зафиксировал отсутствие у большинства российских избирателей конкретной партийной идентификации [20]. В то же время отмечается плодотворность концепций «негативной партийной идентификации», выдвинутой Г. Клингеманом и М. Уотенбергом на основе сравнительного исследования установок немецких и американских избирателей, авторы которого предложили следующую типологию избирателей:

- антагонистически настроенные избиратели, имеющие в сознании благоприятный имидж одной партии и ярко выраженный негативный имидж другой партии;
- балансирующие избиратели, замечающие как позитивные, так и негативные черты у конкурирующих партий;
- апатичные избиратели, находящиеся в условиях недостаточности информации о соперничающих партиях [21].

В процессе исследования политической жизни посткоммунистических стран данная концепция нашла свое применение. До сегодняшнего дня активное неприятие многими российскими гражданами некоторых идеологий, например, коммунистической и соответствующих партий, серьезно влияет на политическое поведение.

Концепцию «негативной партийной идентификации» удалось дополнить Р. Роузу и У. Мишлеру [22], разработавшим типологию установок избирателей по отношению к политическим партиям, выделив четыре группы избирателей. В первую — группу «негативистов» они включают граждан, которые знают, за какую партию точно не отдадут свой голос, но не имеют определенных симпатий ни к одной из оставшихся партий. Вторая группа характеризуется «закрытым» типом установок, это — когда у избирателя одновременно позитивная и негативная идентификации. К «открытому» типу указанные исследователи относят приверженцев одной из партий, не имеющих ярко выраженной негативной идентификации. «Апатичными» они называют избирателей, не имеющих какой бы то ни было идентификации вообще.

Следует отметить, что Роуз и Мишлер негативную партийную идентификацию не рассматривали как явление с отрицательным значением, а напротив, считали, что правильный избиратель — это гражданин, проявляющий интерес к сфере политики и обладающий спектром знаний в данной области, при этом имеющий объективный взгляд на политические организации и их лидеров. Не стоит упускать из исследовательского поля другую сторону феномена негативной партийной идентичности, которая может преобладать в случае кризисного развития общества и проявляться как в отказе от выбора той или иной политической партии, так и в крайне агрессивном отношении к представителям любых политических движений.

Понимание различия данных подходов является концептуально важным. Основной задачей здесь выступает разграничение ситуаций отрицательного восприятия политической сферы в целом и неприятия определенной партии (негативная партийная идентификация).

Следует понимать, что первый случай (отстранение от сферы политики), являет собой часто встречающуюся тенденцию. Например, в российском обществе она, на первый взгляд, не несет в себе крайне пагубных последствий, поскольку избиратели из данной категории посещают выборы и голосуют, как правило, за наиболее могущественную политическую партию. Но при внимательном изучении проблематики становится понятным, что данная форма отстраненности и апатии рано или поздно приведет к падению демократических основ государства.

Второй случай связан с активностью граждан, которые осознают, какой вектор развития точно нежелателен для общества. Они обладают определенными знаниями о политической системе и имеют представление об альтернативных программах различных политических партий. Данный вариант кажется наиболее благоприятным, но здесь прослеживаются явные причины для последующего радикального оформления мнений граждан, особенно, если партия, к которой отношение значительной части населения определяется негативной идентификацией, сможет достичь власти.

На наш взгляд, партийная идентификация — процесс выработки и формулировки конкретных взглядов или установок по отношению к той или иной политической партии. В свою очередь, партийная идентичность является результатом данного процесса, итогом самоотнесения индивида или группы индивидов с политической партией и формулировки собственного или коллективного мнения по ряду вопросов как в сфере личностно-общественных интересов, так и в сфере государственной политики с опорой на программные предложения партий, общую риторику лидеров партий, доминирующую политическую культуру или стереотипное поведение. Партийная идентичность может выражаться в форме солидарности с целями и идеологией политической партии посредством как голосования за данную партию на выборах, так и посещения ее мероприятий или выполнения какой-либо политической работы (например, по агитации населения) вплоть до фактического вступления в партию.

Для более детального рассмотрения различий в научных подходах к изучению проблемы партийной идентичности и партийной идентификации обратимся к выявлению факторов, влияющих на установление лояльности по отношению к определенной партии. Здесь одним из важных моментов выступает политическая социализация человека как в ранние годы его жизни, так и в последующий период под влиянием ближайшего окружения: семьи, друзей, коллег по работе и так далее. От характера и эффективности данного процесса зависит степень преемственности и обязательность передачи от поколения к поколению политических установок, ценностей, норм политической культуры в целом. Таким образом, через политическую социализацию может передаваться и преемственность в партийной идентификации. Значение политической социализации также состоит в том, что через нее осуществляется подготовка к реализации прав и обязанностей гражданина. Социализация позволяет личности избежать конфликтов с существующей системой, либо предвидеть их неизбежность и последствия. В результате политической социализации достигается некоторая устойчивость как партийной, так и политической системы в целом.

Взаимоотношения партий и ее сторонников зачастую обусловлены экономическим фактором в случае, когда индивиды связывают с деятельностью партии удовлетворение своих материальных потребностей. Степень влияния условий жизни на партийную идентичность и идентификацию зависит от вида наступивших экономических изменений и силы приверженности по отношению к партии, поскольку при слабой партийной идентичности индивиду гораздо проще сделать выбор в пользу другой политической партии, которая в большей мере отражает его интересы.

На степень партийной идентичности и партийной идентификации влияет и характер ценностей индивида или социальной группы, которые либо совпадают с политикой партии, что гарантирует положительное взаимодействие между партией и ее сторонниками, или же, напротив, разнятся. В рамках

темы ценностей можно сказать и о сходстве идейных убеждений человека/ группы с идеологическими установками партии. При этом следует понимать, что к данной категории относится политически компетентный слой общества, поскольку партийная идентификация у большинства населения сопряжена с материальными выгодами, стереотипным поведением и иными причинами, но реже — с осознанным выбором идеологии и поддержкой партийных программ.

Рядовые граждане идентифицируют себя с политической партией посредством вступления в ее ряды, в связи с чем обычно выделяют три вида стимулов привлечения граждан в партию:

- материальный;
- солидарности;
- достижения цели [14].

Примером *материального стимула* является предоставление работы в правительственных структурах за выполнение на регулярной основе партийных заданий [14]. Данную вариацию поощрения можно проследить на примере современной России, когда молодые люди, чтобы занять определенные позиции в обществе, вступают в различные организации, созданные политическими партиями. С точки зрения реальных инициатив об эффективности данных структур судить сложно, но нельзя отрицать тот факт, что посредством подобных организаций происходит вовлечение молодежи в ряды сторонников партий.

Стимул солидарности объясняется пониманием людей безысходности индивидуальных действий в сфере политики и, напротив, эффективности коллективных действий, поскольку привлечение к проблеме большего количества человек способствует более быстрой реакции со стороны власти. Это — достаточно распространенный стимул, поскольку в современных демократических государствах граждане имеют возможность повлиять на принимаемые властью политические решения, коллективно сформулировав соответствующие запросы, которые в дальнейшем будут донесены до государства посредством политических партий, через функцию артикуляции интересов граждан.

Стимул достижения цели привлекателен для тех, кто вступает в партию по идейным соображениям или в силу привлекательности политической структуры [14, с. 102]. Данная категория людей, как правило, разделяет идеологические взгляды, ценности и цели партии и старается помочь ей в реализации намеченного плана. Но со временем возможно наступление противоречия, когда гражданин вступает в партию, желая служить провозглашаемым идеалам, но на практике сталкивается с существенными отклонениями от заявленных принципов партии. Говоря о российской специфике, можно констатировать, что пространство современной политической сферы утратило четкую структурированность в ценностном отношении; также зафиксировано отсутствие у граждан явно выраженных идеологических

предпочтений; в итоге большую значимость приобретают универсальные ценности, например, прав человека, законности и безопасности [23].

В научных кругах распространено мнение, что партийную идентификацию человека можно охарактеризовать относительно социальной группы, в которую он входит. Важно отметить, что на современном этапе развития общества данную точку зрения можно воспринимать как дополнение, но не единственную причину формирования партийной идентичности, поскольку партийная идентификация — гораздо более сложный процесс, обусловленный многими факторами. Современный избиратель все в большей мере руководствуется собственным взглядом, основанным как на психологической идентификации с партией, так и на рациональных оценках ее деятельности, в связи с чем происходит ослабление строгой приверженности каким-либо политическим идеям или коллективным интересам [24, с. 183]. Классовые теории и теории референтных групп уже не могут адекватно отражать реальные мотивы формирования партийной идентичности и партийной идентификации и не позволяют спрогнозировать электоральное поведение граждан исключительно по той группе или классу, с которыми они соотносятся.

Для систематизации вышеизложенного нужно определить некоторые причины трансформации партийной идентичности, происходящей под влиянием социальных изменений. Условиями трансформации партийной идентичности могут выступать:

- изменение социального статуса гражданина, смена референтной группы;
- уход партии с политической арены или ее слияние с другой партией;
- появление политической партии с программой, в большей мере отражающей интересы субъекта;
- смена политического режима или политического курса в государстве.

В условиях изменения вектора проводимой политики, законодательства в области регулирования деятельности политических партий и многих других причин, обществу приходится подстраиваться под трансформирующуюся социальную реальность и адаптироваться к ней с наименьшими издержками. Реорганизация партийной идентичности или ее сохранение будут протекать настолько эффективно, насколько быстро политические партии станут отвечать новым веяниям умонастроений граждан.

Подводя итог, можно сказать, что в условиях глобализации, действующей на интеграцию и вовлеченность отдельно взятого индивида в международную коммуникацию, казалось бы, должно происходить размывание идентичностей, в том числе и партийных идентичностей, поскольку отдельно взятый человек больше не идентифицирует себя с одной партией, идеологией, государством, нацией. Космополитичность должна была выйти на первый план, но сегодня мы видим еще один процесс — глокализация — обособление национального интереса ряда государств, поскольку установки и ценности разнятся даже у стран, входящих, например, в Европейский Союз. Появляются разные точки зрения на самоопределение государств, собственный путь

развития, который не должен диктоваться ни одним надгосударственным объединением. Вследствие чего на первый план сегодня вновь выходят политические партии, отстаивающие национальные интересы государства, поэтому категории партийной идентичности и партийной идентификации вновь могут стать критериями прогнозирования электорального поведения и вовлеченности граждан в сферу политики.

Список литературы

1. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политика и наука на перекрестке современности: к итогам юбилейного Конгресса РАПН. Ежегодник 2016 / Гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 142–155.
2. Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 18–32.
3. Фрейд З. Толкование сновидений / Перевод с нем. Я. Когана. СПб.: Азбука, 2015. 512 с.
4. Эриксон Э. Детство и общество / Перевод с англ. А.А. Алексева. СПб.: ИТД «Летний сад», 2000. 416 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Перевод с англ. Н.Н. Толстых. М.: Издательство «Флинта, МПСИ, «Прогресс», 2006. 352 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / Перевод с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 288 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Перевод с англ. О.И. Шкаратана. М.: Институт «Открытое общество. Фонд содействия», 2000. 608 с.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Перевод с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.
9. Довбыш Е.Г. Юрген Хабермас // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 797–801.
10. Бек У. Космополитическое мировоззрение / Перевод с англ. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество / Перевод с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
12. Фадеева Л.А. Социальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 29–35.
13. Семененко И.С. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 71–75.

14. Фарукшин М.Х. Партийная идентификация в контексте политической идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева. Казань: Отечество, 2011. С. 84–111.
15. Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective. N.Y.: Free Press, 1967. 554 pp.
16. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y.: John Wiley, 1960. 576 pp.
17. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. 431 с.
18. Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. 1995. № 1. P. 5–28.
19. Холодковский К.Г. Идеино-политическая, партийная самоидентификация // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 100–102.
20. Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 668 с.
21. Klingemann H., Wattenberg M. Decaying versus developing party systems: a comparison of party images in the United States and West Germany // British Journal of Political Science. 1992. № 2. P. 131–149.
22. Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries // Electoral Studies. 1998. № 2. P. 217–234.
23. Селезнева А.В. Демократические ценности в современном российском обществе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 20–33.
24. Российское общество и вызовы современности. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 424 с.